

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ (54)
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (19)

МОЖЕТ ЛИ ИСТОРИЯ БЫТЬ ОБЪЕКТИВНОЙ?

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
г.Москва, 2 декабря 2011 г.

Издательство Московского университета
2012

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Исторический факультет

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ (54)

Под редакцией академика РАН С.П. Карпова

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (19)

Редакционный совет:

академик РАН, проф. С.П. Карпов (председатель Совета),
д.и.н., проф. Л.С. Белоусов, д.и.н., проф. Н.С. Борисов,
д.и.н., проф. Л.И. Бородкин, д.и.н., проф. А.Г. Голиков,
академик РАН, проф. Ю.С. Кукушкин, д.и.н., проф. Л.С. Леонова,
к.ф.н., доц. Л.П. Лобанова, д.и.н., проф. Г.Ф. Матвеев,
д.и.н., проф. С.В. Мироненко, д.и.н., проф. А.А. Никишенков,
чл.-корр. РАН, проф. Е.И. Пивовар, д.и.н. А.В. Подосинов,
д.и.н. С.Ю. Сапрыкин, д.э.н., проф. В.В. Симонов,
академик РАО, проф. В.С. Турчин, д.иск., проф. И.И. Тучков,
академик РАН, проф. В.Л. Янин

МОСКВА
2012

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Исторический факультет

МОЖЕТ ЛИ ИСТОРИЯ БЫТЬ ОБЪЕКТИВНОЙ?

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова
2 декабря 2011 г.

Издательство Московского университета
2012

УДК 930.1
ББК 63.013

Печатается по решению
Ученого совета исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
(протокол № 3 от 14 мая 2012 г.)

Ответственный редактор
академик РАН С.П. Карпов

Заместители ответственного редактора:
профессор Л.С. Белоусов
профессор А.Г. Голиков

Ответственные секретари конференции
доцент Н.Г. Абрамова
профессор Л.В. Байбакова

Рецензенты:
профессор С.А. Байбаков
профессор В.А. Бородаев

М746 **Может ли история быть объективной?** Материалы между-
народной научной конференции./Под ред. С.П. Карпова.
– М.: Изд-во Моск. ун-та. 2012. – 222 с. – (Труды историчес-
кого факультета МГУ: Вып. 54; – Сер. «Исторические
исследования»: 19).

В сборнике представлены материалы международной научной
конференции «Может ли история быть объективной?», состояв-
шейся на Историческом факультете Московского государствен-
ного университета имени М.В. Ломоносова 2 декабря 2011 г.

Сборник рассчитан на историков, преподавателей и студентов
исторических специальностей, на всех интересующихся историей.

ISBN 978-5-211-05602-2

УДК 930.1
ББК 63.013

©Исторический факультет МГУ, 2012
© Авторы, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово академика РАН, заместителя академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директора Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишкова	7
Вступительное слово декана Исторического факультета МГУ, академика РАН С.П. Карпова	11
ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ	
Л.С. Белоусов Может ли история быть объективной?	19
Д. Ливен Что значит «объективность истории»?	29
В.А. Никонов Возможна ли объективная история?	33
А.Г. Голиков Объективное и субъективное в историческом познании с позиций источниковедения	39
Т. Волф Историк как философ и учитель	49
А.А. Громыко Методология истории и проблема исторической объективности	61
Й. Рюзен I. Истина в истории II. Историческая объективность как составляющая вопроса о социальных ценностях	67 73
А.Ю. Андреев К вопросу об объективности исторического знания	89

М.А. Бойцов В защиту «субъективности»	95
А.Ю. Ватлин Границы объективности в познании прошлого: современные подходы	105
О.Е. Казьмина Объективность истории и субъективность исторического исследования	119
Н.В. Козлова Может ли историческая наука дать объективное представление о прошлом?	133
Л.П. Репина После «Постмодерна»: историческая наука в поисках новой рациональности и объективности	139
В.П. Смирнов Объективность и достоверность в истории	161
В.В. Согрин Как возможна объективная история?	169
Т.Д. Соловей Объективность исторической науки как культурный миф	179
Н.А. Хачатурян Проблема достоверности исторического знания, или «неверная» история	189
В.Г. Васенин Кто голосовал в США в конце XVIII-начале XIX в.: проблема достоверности и объективности	193
Сведения об авторах	221

В ЗАЩИТУ «СУБЪЕКТИВНОСТИ»

М.А. Бойцов

Бывают конференции, привлекающие участников и гостей вызывающей ультрамодностью своей тематики. (Правда порой она же многих и отпугивает). Занимательность предложенной нам темы совсем иного рода. Она очаровывает так же, как в эпоху интернета и мобильной связи очаровывает антикварная мебель или стиль ретро. И вместе с тем она подкупает смелостью. В самом деле, спустя столетие после неокантианцев далеко не каждый решился бы заговорить об объективности исторического знания. Даже в форме вопроса.

Любые используемые нами термины существуют не сами по себе: слова тоже историчны, поскольку рождались в определенном философском (общемировоззренческом, политическом и проч.) контексте и не могут быть просто так из него изъяты. Напротив, выбирая ту или иную терминологию, мы тем самым актуализируем и систему взглядов, с которой она связана. Противопоставление «объективного» знания (оцениваемого высоко) «субъективному» (оцениваемому как некоторым образом ущербное) основано на противопоставлении «познающего субъекта» «объективно существующему бытию». В XIX в. на нем многое строилось, но нам оно лучше всего знакомо по марксистскому «основному вопросу философии» и полагававшемуся на него ответу. Из этой пары вопрос-ответ вытекал и постулат о сознании, которое «отражает, копирует, фотографирует объективную реальность». Стоит только допустить, что познающее сознание в известном смысле само творит объект своего познания, хотя бы тем, что накладывает на него сетку собственных понятий и описывает его с их помощью

(а на таком понимании построены едва ли не все философские и общегуманитарные течения XX в.) как заслуженное противопоставление «объективного» «субъективному» утрачивает смысл.

Вообще-то любое знание является продуктом человеческого мышления, а потому по определению субъективно. Объективным оно может быть только если существует в виде платоновских идей, лейбницева монада или же, например, содержится в сознании авраамистического Бога. Но такие системы взглядов «нашему» ответу на «основной вопрос философии» противоречат. Поэтому всякий раз, когда в истматовской традиции заводили речь об *объективном знании* – физическом или историческом, неважно, – тем самым допускали досадную некорректность, подменяя понятия и запутывая дело: ведь сказать-то хотели либо что наше знание *достоверно*, либо, что оно дает возможность познать «*объективные законы*» природы и общества, либо же – наилучший вариант, – что оно позволяет *достоверно познать «объективные законы»*.

С познанием «объективных законов развития общества» у советских историков на самом деле всегда возникали трудности – хотя бы потому, что эти законы уже были успешно познаны классиками марксизма-ленинизма раз и навсегда и открытие каких бы то ни было новых отнюдь не приветствовалось. Приветствовалось зато «раскрытие» уже известных, отчего функция историка сводилась к предъявлению все новых подтверждений правильности давно и отнюдь не им найденных «объективных законов», а также поиску живых иллюстраций к ним. Действительно, «подтверждений правильности» советскими историками было представлено несчетное множество, и теперь уже никак не уразуметь, почему же при таком, воистину небывалом, объеме «исторических» доказательств «объективные законы» с некоторых пор, похоже, начисто отказались работать. Если же кому-либо вдруг придет в голову оценивать плодотворность усилий советских историков (поверив на слово их собственному определению задач исторической науки) по

количеству заново открытых ими «объективных законов» (или хотя бы закономерностей), то он будет, несомненно, глубоко разочарован: труд тысяч специалистов на протяжении нескольких десятилетий упорных занятий (и потребления общественных ресурсов) предстанет практически бесплодным — по причине, указанной выше.

С уровня методологии неряшливо понимаемая дихотомия «хорошего» объективного знания» и «не такого хорошего» субъективного спустилась в сообществе историков на уровень их профессиональной повседневности. Когда опасливый, хотя и не кровожадный председательствующий говорил о каком-нибудь слегка диссидентствующем докладчике, что тот представил свою «субъективную точку зрения», он тем самым предусмотрительно дистанцировался от выступающего и деликатно советовал другим сделать то же самое. Вряд ли при этом он сам претендовал на личное обладание неким «объективным знанием». Просто под «объективностью» он подразумевал принадлежность к здоровому коллективу, единодушно разделяющему «правильное» суждение, а под «субъективностью» — подозрительное несовпадение с генеральной линией. (Суждений, которые ей бы прямо противоречили, не могло быть по определению.) В этом плане пара «объективное – субъективное» была ничем иным как одним из средств (само)контроля и (само)дисциплинирования сообщества советских историков.

Об этом недавнем прошлом стоило вспомнить, чтобы понять, почему в наших глазах понятие «субъективного» до сих пор пользуется столь сомнительной репутацией. Мы почему-то упорно не желаем замечать, что историк субъективен, когда ставит исследовательскую задачу и формулирует вопросы, на которые собирается отвечать. Историк субъективен, когда выбирает методы анализа, когда этот анализ проводит, когда в его результате создает свои собственные – сугубо субъективные – интерпретации прошлого. Историк субъективен и тогда, когда излагает результаты своего исследования. Ведь он вкладывает тот или иной – опять-таки субъективный – смысл не только в

масштабные теории, но даже в слова, которыми пользуется, в терминологию и тем более в метафоры, которыми так богата речь сегодняшнего гуманитария, да и не только сегодняшнего. Кстати, по одной этой причине нельзя даже в принципе добиться унификации языка историка, и мечта о некоем «едином языковом тропе» неосуществима. Ведь историки – тоже люди, а не роботы, и люди эти не сошли с конвейера и не были клонированы, как овечка Долли, а появились на свет вполне обычным путем. А раз так, то они очень разные, отчего никакие – пускай и самые представительные – конференции по прояснению любых ключевых понятий – будь то даже столь давние как «феодализм» или «исторический процесс», или, например, «развитие» и «кризис», – не приведут к единообразному пониманию. Заключение такого рода терминологических конвенций (обычно, кстати, только временных) возможно в математике, физике или химии, – но все эти дисциплины на порядки проще истории.

Разумеется, в субъективности профессионального историка нет ничего общего с произволом. Его личные предпочтения (как и сама его личность) во многом определяются внешними обстоятельствами, а особенности его исследовательского почерка вписываются в строгие нормы, выработанные профессиональным сообществом. Но ни то, ни другое не «нейтрализуют» его субъективность, не освобождают его от нее. И никакие «твердые факты» в любых мыслимых количествах этого тоже не делают. Одной констатации действительного существования Помпеи или Трои, осязаемо подтверждаемого их сохранившимися стенами, историку недостаточно, если, разумеется, смысл его деятельности не сводится к полемике с адептами «Новой хронологии». Более того, если историки очень сильно постараются, они, наверное, смогут с довольно высокой точностью подсчитать даже количество бочек селедки, перевезенных из Любека в Гамбург или наоборот на протяжении XIV, XV, XVI или XVII вв. Но вот что эти относительно «твердые» данные могут дать нам для понимания складывания

или распада Ганзы, для выяснения экономической конъюнктуры или уровня жизни в Северной Европе, зависит от той или иной вполне субъективной их интерпретации.

Кстати говоря, по-своему «субъективен» и предмет исследований, ведь историка интересуют не только анонимные, безличностные «процессы» и некие «закономерности» и даже не камни Помпеи и Трои или бочки сельди сами по себе, но все-таки не в последнюю очередь люди прошлого, с их мечтами, заблуждениями и весьма сложными отношениями друг с другом. И с их текстами, которые менее всего предназначались для того, чтобы сообщить грядущему историку «объективную истину» об их времени.

Историки-новисты, кажется, чаще питают иллюзии насчет возможности искоренить-таки «субъективность» из исторического исследования. Они полагают, что где-то имеются какие-то недоступные архивы, в которых за какой-нибудь замкнутой стальной дверью скрывается самая что ни на есть объективная историческая истина. Конечно, в секретном сейфе, возможно, найдется сенсационный ответ на какой-нибудь конкретный вопрос, но вместе с ним неизбежно возникнет дюжина более сложных проблем. Античники и медиевисты по понятным причинам особых надежд на новые архивы в качестве собрания «объективных истин» обычно не питают. Они привыкли работать с субъективными интерпретациями субъективных интерпретаций, чтобы в конечном счете предлагать собственные субъективные интерпретации прошлого – не более, но и не менее.

Вообще-то говоря, задача историка состоит вовсе не в том, чтобы всеми силами минимизировать собственное «Я», а скорее напротив, в том, чтобы проявить его поярче. Великие труды великих историков всегда субъективны, отражая яркую индивидуальность их авторов. Другое дело, что в начале XXI в. историки не только осознают эту свою субъективность, но и рефлексиируют над ней, контролируют ее, а не полагают с наивной самоуверенностью XIX в., что открывают объективные истины одну за другой.

В конечном счете любой историк, даже самый заурядный, в своей работе всегда руководствуется и деалом истинности — опять — таки сугубо субъективно переживаемым. Как ни странно, встречаются коллеги, которые не только не краснея, а даже заговорщически подмигивая прямо с трибуны, начинают приговаривать: «ну мы же все понимаем, историку нужно кормить детей, а потому ему приходится выполнять запросы власти, пускай даже самые бредовые». Хорошо, корми детей тем способом, каким умеешь, тебя за это никто не осудит. Только не пытайся рассуждать о науке, к которой ты не имеешь отношения, потому что для этой формы деятельности именно субъективное стремление к истине и является определяющим. Ведь странно было бы, например, представительницам древнейшей профессии выступать авторитетными судьями в вопросах нравственности — при всей социальной необходимости их непростого ремесла и даже при том, что им ведь тоже надо как-то кормить детей...

Нередко создается впечатление, что в наших дискуссиях об историческом знании слова «объективность» и «субъективность» используются не в их собственном смысле, а в каком-то переносном. Так, часто ими заменяют (совершенно неправомерно, надо признать, но по причинам, бегло намеченным выше) слова «достоверность» и «недостоверность». Однако критерии достоверности устанавливает не Господь, а профессиональное сообщество и, следовательно, они субъективны. Если это сообщество авторитетно, оно и определяет, какие интерпретации прошлого будут восприняты социумом как убедительные, а какие — нет. Если же его авторитет оставляет желать лучшего, то и к суждениям его отнесутся с недоверием, противопоставляя им альтернативные — как резонные, так и бредовые.

Хорошо, когда в сообществе мало тех, кому «надо кормить детей» ценой отказа от научной этики. Хорошо, когда и в нем самом, и в социуме в целом имеется консенсус по ключевым вопросам прошлого. А если его нет, как быть с тем, чью правду признавать «более достоверной»? Как «объективно» выбирать

между правдой жертв и правдой палачей? Найти некую среднюю, отмерив по пятьдесят процентов от каждой? В Германии вроде бы имеется консенсус в оценке нацистского прошлого, но он исчезает, когда кто-либо «из молодых» берется за детальное выяснение, как вели себя тогда именитые историки, искусствоведы и археологи. Сразу слышатся голоса – даже в профессиональной среде – о том, что не стоит лишний раз ворошить прошлое. Наша ситуация намного хуже: консенсуса по поводу советской власти вообще и сталинской эпохи, в частности, нет ни в профессиональных кругах, ни в обществе в целом. Как тут быть с оценкой достоверности исторических интерпретаций со стороны профессионального сообщества? И как быть с его «объективностью»?

Мы часто жалуемся на то, сколь широкое хождение получают концепции прошлого, предлагаемые людьми без какого бы то ни было исторического образования. Но ведь, сознаемся, даже наличие не только такого образования, но и множества красивых званий и дипломов, удостоверяющих факт принадлежности к профессиональному цеху, — отнюдь не гарантия «объективности». Разве еще совсем недавно один заслуженный академик от истории, ведущий профессор исторического факультета, не рассказывал убежденно поколениям студентам о народе росомонов или росоманов, жившем по реке Рось, от которого якобы и пошло название Руси? Никто из высокоученых коллег тогда даже не попытался объяснить академику, что его уровень аргументации был, возможно, допустим во времена М.В. Ломоносова, но в конце XX в. просто смешон. Следовательно, профессиональное сообщество проявило в данном случае свою полную неспособность сыграть роль коллективного эксперта, умеющего отличить «субъективное мнение» от «объективного знания» (говоря на том языке, который предлагают нам организаторы конференции). А выяснение вопроса, почему именно оно этого не сделало, раскрыло бы, вероятно, немало существенных характеристик данного профессионального сообщества,

которые, впрочем, вряд ли покажутся его членам особенно лестными. Многое, конечно, поменялось на Руси со времен славного «народа росоманов», но далеко не все. Вот и на нашей конференции уважаемые коллеги признавались, что по-прежнему пребывают «в плену идеологем», чувствуя себя в этом плену, судя по всему, вполне комфортно. Идея служения истине сентиментальна, старомодна и упоминать о ней как-то даже неловко — заподозрят в избыточном и не вполне искреннем пафосе. (У нас пафос удивительно часто является другой стороной лжи.) То ли дело пойти навстречу желанию ближайшего губернатора удлинить историю его провинциальной столицы на пару-тройку тысяч лет или доказать происхождение населения его губернии непосредственно от шумеров. Временами над крайностями такого рода даже посмеиваются как над характерными знаменами времени, но никакого принципиального отличия от изобретения в старые добрые советские времена «народа росоманов» в качестве предков руси или каких-нибудь «траяновых веков» в подобном подходе не было и нет.

Если такого рода вещи оказываются профессионально и этически приемлемыми в научном сообществе, которое вообще-то должно ставить планку, задавать уровень и определять критерии, то излишне всплескивать руками по поводу нахальства историков-любителей, переманивающих читателей у профессионалов. Почему, собственно, публика должна отдавать предпочтение этим последним, особенно если они не скрывают, что озабочены в первую очередь прокормлением голодных детей любой ценой, а вовсе не поисками истины, чего от них вообще-то общество вправе ожидать? Удивительного в сложившейся ситуации лишь то, что пока еще не всякий академик от математики или любых других неисторических наук предпринял попытку пересмотреть хронологию всемирной истории или хотя бы определить авторство «Слова о полку Игореве». При нынешнем положении дел чуть ли не каждая кухарка, так и не

справившись с управлением государством, рвется поуправлять по своему разумению прошлым.

Сила научного цеха состоит в том, что он, как и церковь, представляет собой во всякий данный момент времени сообщество живых и мертвых. Коллеги, ушедшие физически годы, десятилетия или века назад, продолжают оказывать интеллектуальное воздействие своими работами, ставящими планку, задающими уровень и определяющими критерии даже тогда, когда у живых все это плохо получается. И они же, похоже, каким-то загадочным образом расставляют, увы, постоянно присоединяющихся к ним новых коллег по положенным тем местам, руководствуясь не прижизненными титулами и званиями, а гамбургским счетом. Тут-то даже академиком может настичь вполне заслуженное забвение — вместе с открытыми ими некогда «объективными» истинами.

Конечно, любому честному историку хочется представить себе «как оно было на самом деле» и даже понять, почему оно «было» именно так, а не иначе. Но его коллеге хочется точно того же. Сколько уже биографий Цезаря написано лучшими специалистами, и сколь велики различия в их интерпретациях того, каков был Цезарь «на самом деле». На основании каких же критериев мы должны выбрать из противоположных, но в равной степени убедительных и профессионально выполненных версий? Любители сочувственно цитировать знаменитое словцо Леопольда фон Ранке обычно не учитывают, что в его концепции исторического процесса центральное место отводилось Богу, и постижение того, «как оно было на самом деле», означает в первую очередь постижение божественного замысла, раскрывающегося в человеческой истории. Методическая установка, пожалуй, не очень подходящая для светской науки. Жаль, а то бы могли попробовать все же уловить (хотя бы с помощью озарения), какой из нынешних ученых биографов великого римлянина лучше расслышал слово Бога о Цезаре.

Как все же ответить на исходный вопрос нашей конференции, притом в понятиях, предпочтительных для ее

МОЖЕТ ЛИ ИСТОРИЯ БЫТЬ ОБЪЕКТИВНОЙ?

организаторов? Наверное, так: история (понимаемая как совокупность академических сочинений о прошлом) тем более «объективна» (т. е. предлагаемые ею интерпретации внушают тем больше доверия), чем лучше в профессиональном сообществе историков обстоит дело не только с ремесленным мастерством, но, в первую очередь, с профессиональной этикой. И тем менее история «объективна», чем сильнее по тем или иным причинам подверглась эрозии этика историков.